

Издано
в СССР

Культура должна служить народу

Зденек Неедлы. Статьи об искусстве. Перевод с чешского. Вступительная статья, редакция текста и примечания В. Д. Савицкого. Составитель В. Достал. Ленинград—Москва, «Искусство», 1960. 631 стр.

Появление книги работ по искусству выдающегося чешского историка, искусствоведа и филолога, давнего и верного друга Советского Союза, президента чехословацкой Академии наук Зденека Неедлы — большая радость для тех, кто занимается изучением истории культуры Чехословакии. Много новых и оригинальных суждений найдут в ней и те, кто проявляют интерес к эстетике. В сборник вошли не только статьи, но и монографии, а также главы из книг. Издание открывается большой статьей В. Д. Савицкого «Неутомимый борец за реализм», в которой подробно рассказывается о жизни и деятельности Зденека Неедлы.

Познакомившись с этой книгой чешского ученого, первое, на что обратит внимание читатель, — это необычайная жизненность работ Неедлы, их актуальность. Сказанное относится и к тем трудам, которые появились еще в 900-е годы, и к тем, которые были написаны 30—40 лет назад в годы буржуазной республики, и к тем, которые он создал

после освобождения Чехословакии.

Главное, что делает такими современными все работы Зденека Неедлы, — пронизывающая их идея народности культуры, мысль о том, что все завоевания культуры должны быть доступны народу, служить ему. Еще в 1907 году, будучи молодым ученым, Неедлы писал, что искусство для народа должно быть самым лучшим и самым прогрессивным искусством. Почти сорок лет спустя, в мае 1945 года, он заявил: «Нам нужна культура, обращающаяся к миллионам, а не к избранной небольшой группе людей. Нам нужна культура, которая объединяла бы народ, а не расчленяла бы его на отдельные касты... Не «ниже — к народу, а выше — с народом...» Пронесенная через долгую, наполненную упорным трудом и раздумьями жизнь любовь к народу была одной из причин, позволивших Неедлы стать выдающимся ученым-марксистом.

В небольшой рецензии невозможно даже бегло затронуть множество проблем,

которые освещены в работах, собранных в этой книге. Мы попытаемся остановиться лишь на тех, которые особенно тесно связаны с задачами строительства социалистической культуры Чехословакии в наши дни.

За истекшие 15 лет в Чехословакии немало сделано в области переоценки культурного наследия. Однако порой еще можно встретиться с несколько пренебрежительным отношением к отдельным писателям-демократам XIX века. Об этих представителях чешской классики иногда говорят как о милых, но наивных и старомодных людях, которые мало что могут дать современному читателю и как мыслители и как художники. Именно против

такого отношения к национальным культурным ценностям прошлого направлены горячие слова Неедлы: «Мы не можем не знать всего того великого, что было создано для нас, и не можем не желать и не стремиться использовать все это и для себя, творить дальше на заложенном фундаменте». Эти слова, сказанные в 1932 году, и другие суждения Неедлы о том, что классическое наследие — прочная основа для дальнейшего развития литературы, не следовало бы забывать, особенно тем, кто склонны проводить слишком резкую грань между новейшей чешской литературой (начиная с 90-х годов прошлого века) и всем созданным в предшествующий период.

Зденек Неедлы — страстный борец за реалистическое искусство. Он рассматривает реализм как явление, исторически развивающееся, имеющее у разных народов свои особенности, но в то же время видит в нем общие черты, подчеркивает его связь с прогрессивными идеями. «...Неверно, что может быть что-либо прекрасным, что не является *правдивым*, морально *здоровым* и *великим* в идейном отношении», — читаем мы в статье «Святоянская эстетика». Развивая мысль о реализме применительно к нашему времени, показывая полное бесплодие формализма и натурализма, Неедлы говорил в апреле 1948 года: «Мы стремимся к совершенно иному: к активному социалистическому реализму... Это культура не любой действительности, а действительности живой и подлинной, в нынешнее время действительности революционной. Не следует заблуждаться: ведь февральские события не знаменуют конца революции». Ученый энергично выступает против всего отрицательного и вредного, «что еще сохранилось от старого мира». Сказанное им не утратило значения и в настоящее время, поскольку борьба с рецидивами формализма все

еще не снята с повестки дня.

Близка и понятна советскому читателю и та неприемлимая позиция, которую занимает Зденек Неедлы по отношению ко всяческим проявлениям мещанской идеологии в области культуры. Предупреждая о сложности борьбы с мещанством, о многообразии форм его проявления, Неедлы помогает народу очистить новую, социалистическую культуру от того, чем дорожит мещанин, от всего мелкого, «красивенького», «что не вызывает душевных бурь, что позволяет ему жить, сохраняя полное душевное спокойствие...».

Полезные и ценные мысли содержатся в трудах Неедлы и по более частным вопросам истории чешской культуры. Так, например, в работе «Бедржих Сметана», раскрывая истинно народный характер творчества этого великого чешского композитора, он особо отмечает отсутствие у Сметаны «высокомерного индивидуалистического «я» и необычайно высоко расценивает присущее его произведениям «коллективистское начало», свойственное им общественное звучание. Эта идея утверждения «духа коллективности», то есть духа народа в искусстве, идея отрицания индивидуализма находит отражение и в других сочинениях Неедлы. Читая их, невольно задумываешься над тем, почему же в иных статьях молодых чешских литературоведов порою все же появляются такие неудачные определения, как «позитивная индивидуалистическая литература» и т. п.

Характеризуя чешскую литературу 90-х годов прошлого века, раскрывая ее противоречивость, Неедлы отмечает, что поколение писателей-модернистов конца XIX — начала XX века впитало в себя дух так называемого нового мещанства, что оно, «пресытившись строгой дисциплиной национальной литературы, национального искусства, национальной жизни, прямо набросилось на эстетиче-

ские излишества... Образцом для чешских модернистов, как пишет Неедлы, служило упадочническое буржуазное искусство Франции того времени.

Следует отметить, что, говоря о буржуазном субъективистском искусстве конца XIX — начала XX века, Неедлы пользуется термином «модернизм» (*modernismus*). Это понятие некоторым современным чешским литературоведам кажется расплывчатым, лишенным содержания. Между тем оно существует в чешской эстетике давно и, как видно из трудов Неедлы, имеет определенный смысл. Отказ от употребления этого термина, по-видимому, не может освободить науку от необходимости решения вопросов модернизма по существу.

И еще один пример — проблема авангардизма в искусстве, все чаще и чаще привлекающая к себе внимание в последние годы. Как бы обращаясь к тем, кто не знают, с какой стороны подойти к ней, Неедлы говорит, что за словами «авангардное искусство» и «авангард» часто скрывается разное, прямо противоположное содержание. С одной стороны, это «декадентствующий авангард», который, «согласно интересам буржуазии, уводил от умирающей действительности и направлял свои творческие устремления в царство мечтаний», с другой — это «социалистический авангард», который «все с большей энергией и целеустремленностью пробивался к сути... новой, расцветающей... действительности...»

Неедлы предстает со страниц книги решительным противником проявлений субъективизма в области изучения литературы. «...Наши литературные критики... и вся литературная общественность, — пишет он, — часто гонялись за обманчивыми блуждающими огнями, прославляя имена, которые вскоре терялись во мраке забвения или, во всяком случае, теряли свою значимость. В то же время

недооценивались явления, которые были, а зачастую и остались хлебом насущным для нации, для широких народных масс...»

Не менее злободневными и важными для нашего времени являются высказывания Неедлы о том, какой должна быть литературная критика. В этом отношении он как бы является прямым участником дискуссии, начавшейся на страницах чешской печати в конце 1960 года. Критик, говорится в книге, обязан прежде всего знать, чего он хочет достичь, обязан «определить, кто наш союзник и кто наш враг, где находятся прогрессивные и где реакционные силы». Но не только это. «Критика, особенно в такую эпоху, как наша, — подчеркивает Неедлы, — должна быть воспитателем, учителем». Он выступает как против безудержного захваливания, так и против злобных разносов, он — за деловую, дружественную оценку произведений искусства и конструктивную помощь.

В сборнике трудов Неедлы мы встречаемся с постановкой проблем, которые мало разрабатывались советскими учеными и потому представляют для нас большой интерес: смена культур, жизнь произведения искусства и его восприятие во времени, взаимоотношения учителя и ученика в искусстве и т. д. Отдельные положения книги могут показаться дискуссионными. Так, например, необычно звучат для нас такие определения, как «народный реализм», «моральный реализм», «исторический реализм», «национальный реализм». Однако, если учесть, что, пользуясь ими, автор стремился показать специфику развития чешского реализма, а также своеобразие реализма в других странах, то смысл их в основном станет ясен.

Особое внимание советских читателей привлечет раздел «О русской культуре». В него вошли статьи, посвященные Гоголю, Чехову, Станиславскому, поста-

новке «Мещан» Горького в Чехословакии. Все они проникнуты любовью к русской культуре. Об этом лучше всего говорят слова самого Неедлы: «...целые поколения у нас были воспитаны на русской литературе, русской культуре». Если раньше это происходило «из любви к русскому народу», замечает Неедлы, то сегодня «еще и из любви к Советскому Союзу, как к стране... социализма».

Большую помощь в изучении нового этапа культурного развития Чехословакии окажут работы, вошедшие в раздел «Статьи и выступления после 1945 года». Не будет преувеличением сказать, что здесь в большей или меньшей степени затронуты почти все основные вопросы борьбы чехословацкого народа за социалистическую культуру.

Как один из ветеранов этой борьбы выступил Неедлы и на состоявшейся в Праге в феврале текущего года конференции о задачах художественной критики. Он призвал ее участников помогать «созданию нового общества и нового человека». В этом, по его мнению, — главная цель социалистической критики.

Приветствуя появление хорошего и нужного сборника работ Зденека Неедлы, надо сказать и о некоторых частных недостатках издания.

Приданные к статьям примечания могли бы быть более полными и точными. Жаль, например, что в книге остались без объяснений некоторые собственные имена, факты, не получили характеристики отдельные периодические издания.

В примечаниях о группе писателей, активно сотрудничавших в последние десятилетия XIX века в журнале «Люмир» и вошедших в историю под именем «люмировцев», причислены Я. Неруда, Гостинский и Чех, в то время как уже из самого текста работ Неедлы видно, что им имелись в виду Врхлицкий, Сладек, Ирасек и Зейер. Известно, что Краледворская и Зеленогорская

рукописи — искусные подделки под памятники древней письменности — были созданы не одним Ганкой, как сказано в примечании. Вместе с Ганкой в их создании принимал участие поэт Йозеф Линда (1789—1834).

Неверно в сущности охарактеризована в примечаниях книга художника Миколаша Алеша «Шпаличек». Мало что поясняет примечание к словам «новое, прогрессивное движение 90-х годов».

Непонятно, почему в перечне упомянутых в книге имен Вацлав Матей Крамериус назван Крамерием, почему Сладек назван редактором ряда изданий, хотя он редактировал только один журнал, и т. п.

Несколько слов о качестве перевода, который представлял большую трудность. Как это ни странно, но иногда переводы грешат не столько против чешского языка, сколько против русского. Есть и ошибки смыслового порядка. Неверно, например, переводится слово *moderní*, которое означает новый, новейший, современный, а не модернистский.

Что касается составления книги, то, по-видимому, в ней без ущерба могли бы быть опущены такие статьи, как «Ребенок» Ф. К. Шальды и некоторые другие, мало что говорящие нашему читателю из-за большой специфичности тематики. С другой стороны, обидно, что в книгу не вошли статьи «Из истории отношений советской и чехословацкой литературы», «Тарас Шевченко», высказывания о русских революционных демократах, заметки о чешских классиках. Однако эти замечания по составу сборника не затрагивают основного его содержания.

Книга Зденека Неедлы, несомненно, обогатит советских читателей, поможет им глубже и полнее понять национальные корни и исторический путь развития чешской культуры.

Л. Кишкин